

ГОЛУБОЕ ШАМПАНСКОЕ

Меган Гэллоуэй прибыла в Пузырь со съемочной группой из трех человек. Со своим брифером — дыхательным аппаратом — и протезом она стала наименее обнаженной голый женщиной из всех, что довелось видеть любому из спасателей.

— Готов поспорить, что на ней больше аппаратуры, чем носит любой из ее команды, — сказал Глен.

— Угу, но, знаешь, это почти незаметно.

Кью-Эм Купер напряг память, глядя, как гостя принимает традиционную емкость с шампанским.

— Разве это своего рода не рекорд? Три человека в команде?

— Президент Бразилии привезла с собой двадцать девять человек, — заметила Анна-Луиза. — У короля Британии было двадцать пять.

— Да, но только одна сетевая подводная камера.

— Значит, это и есть Золотая Цыганка, — сказала Леа.

— Больше смахивает на Бронзовый Транзистор, — фыркнула Анна-Луиза.

Все они уже слышали эту шутку, но все равно рассмеялись. Спасатели не очень-то уважали транс-сестер¹. И все же Купер был вынужден признать, что в профессии, кото-

¹ На английском «бронзовый транзистор» (brass transistor) и «транс-сестры» (trans-sisters) звучат очень похоже. — *Здесь и далее примеч. пер.*

рая стремится к стандартизации эмоций, только Гэллоуэй была уникальна сама по себе. Остальные были взаимозаменяемы, как ведущие программы новостей.

Им в уши стал нашептывать голос — сообщение передавалось по каналу, зарезервированному для экстренных объявлений и предупреждений.

«В Пузырь прибыла Меган Гэллоуэй, представляющая «Фили корпорэйшн», полностью подчиненное дочернее предприятие «GWA конглом». «Филикорп»: доставляем вам лучшее в записях ощущений и эротиксе. «Блю шампейн энтерпрайзес» выражает уверенность, что вы не будете мешать процессу записи и сожалеет о любых причиненных неудобствах».

— Реклама... пока что, — с отвращением буркнул Глен.

Для тех, кто любил Пузырь — как его любили все спасатели, — реклама была чем-то вроде использования стен Тадж-Махала для финала чемпионата интерконгломератов по граффити.

— Теперь жди гонки яхт, — сказал Купер. — Могли бы хоть предупредить нас о том, что она прибывает. А что насчет ее протеза? Нам надо что-нибудь о нем знать, если она вляпается в неприятность?

— Возможно, она знает, что делает, — заметила Леа, заработав неприязненные взгляды четырех коллег. Догматом их веры было то, что во время первого визита в Пузырь *никто* не знает, что делает.

— Думаешь, она возьмет протез в воду?

— Ну, раз она не может без него двигаться, то я типа сомневаюсь, что она его снимет, — сказал Купер. — Стю, свяжись с оперативным отделом и спроси, почему нас не уведомили. Выясни насчет особых мер предосторожности. Все остальные — за работу. Анна-Луиза, будешь здесь за главного.

— А чем *ты* будешь заниматься, Кью-Эм? — осведомилась Анна-Луиза, приподняв бровь.

— Взгляну на нее вблизи.

Он оттолкнулся и полетел к изогнутой внутренней поверхности Пузыря.

* * *

Из всех увиденных Кью-Эм Купером сооружений Пузырь был единственным, которое захватило его воображение, сохранило его на годы и не оказалось разочарованием, когда он наконец-то его увидел. То была любовь с первого взгляда.

Пузырь обращался по орбите вокруг Луны, где понятие перспективы теряло смысл. В таких условиях глаз воспринимал Землю или Луну как булыжники не крупнее мяча для гольфа, а кусочек льда в нескольких миллиметрах от иллюминатора корабля мог показаться далеким кувыркающим астероидом. Когда Купер увидел Пузырь впервые, иллюзия была идеальной: кто-то оставил бокал шампанского лететь в нескольких метрах от корабля.

Форма суженного конуса была продиктована математикой генераторов силового поля, которое удерживало Пузырь. Конус был сделан из многосложной сетки тонких проводов. Любая иная конфигурация была невозможна, и лишь по чистой случайности генератор напоминал чашу и ножку винного бокала.

Сам Пузырь должен быть невесомым, но персоналу и гостям требовалась секция, где гравитация создавалась за счет вращения. Для этой цели диск подходит лучше, чем колесо, поскольку обеспечивает участки с меняющейся гравитацией, от одного «g» на краю до невесомости в центре. Наиболее логичным местом для диска было основание «ножки» генератора, которое также служило основанием бокала. Поговаривали, что архитектор Пузыря сошел с ума, проектируя его, а поскольку он любил картины, то включил в чертежи и гигантскую зубочистку, протыкающую столь же гигантскую маслину.

Но это была всего лишь станция. Достаточно красивая сама по себе, но не идущая ни в какое сравнение с Пузырем.

Он висел в мелкой чаше генераторов, никогда не касаясь их. Это были двести миллионов литров воды, зажатые между двумя концентрическими сферическими силовыми полями, одно из которых было диаметром сто метров,

а второе — сто сорок. Поля удерживали водяную оболочку массой почти миллион тонн¹, в центре которой находился воздушный пузырь объемом полмиллиона кубометров.

Все эти значения Купер знал наизусть. БШЭ позаботились о том, чтобы никто не попадал в Пузырь, не услышав их хотя бы раз. Но числа не могли поведать и малой доли того, каков Пузырь на самом деле. Чтобы понять это, надо было проехать на лифте внутри стеклянной «соломинки», которая заканчивалась внутри воздушного пузыря, выйти из кабины, ухватиться за одну из стоек турникета возле спасательной станции и крепко за нее держаться, пока эмоции не утихнут в достаточной степени, чтобы *поверить* в эту чертову конструкцию.

* * *

Спасатели делили визитеров на шесть классов. Конечно, неофициально — для БШЭ почетным гостем был каждый. Оценка давалась на основе поведения и личных особенностей гостя, но в основном по умению плавать.

Ракообразные вцеплялись в стойки. Большинство даже никогда не мочило ног. Они отправлялись в Пузырь показать себя, а не плавать. Планктон полагал, что может плавать, но это было не более чем их несбыточная мечта. Черепахи и лягушки действительно могли плавать, но весьма комично.

Акулы были превосходными пловцами. Если бы они добавили мозги к своим прочим способностям, спасатели бы их любили. Лучшими были дельфины. Купер был пловцом дельфиньего класса, поэтому и работал старшим спасателем в третьей смене.

К его удивлению, Меган Гэллоуэй оказалась где-то между лягушкой и акулой. Большая часть ее неуклюжих движений была результатом непривычности к условиям невесомости. Она явно провела немало времени в плоской воде.

¹ У автора неладья с арифметикой. Одна тонна воды — это 1000 литров. Миллион литров — это 1000 тонн. Двести миллионов литров — 200 000 тонн, но никак не миллион тонн, как у автора.

Купер оттолкнулся и пробил внешнюю поверхность Пузыря с достаточной скоростью, чтобы подняться к третьему силовому полю, которое удерживало воздух внутри, а вредную радиацию снаружи. При этом он кувыркнулся в воздухе, чтобы посмотреть, как Меган справляется с выходом на поверхность. Он разглядел золотые отражения от металлических лент ее протеза, пока она была лишь аморфным силуэтом под водой. Проектора видеокамеры подсвечивали воду вокруг нее в яркий аквамарин. Она обогнала свою съемочную команду.

Купер испытал мгновенную и очень сильную реакцию: какая у нее ужасная жизнь. Работа в Пузыре была для него чем-то особенным. Как и остальные спасатели, он сетовал на клиентов, жаловался, когда приходилось буксировать какого-нибудь проклятого ракообразного, который не мог набрать достаточно скорости, чтобы вернуться к поручням, или когда приходилось вылавливать очередной экскремент, которые вываливались в удивительных количествах, когда кто-то терял ориентацию и пугался. Но главным было то, что ему работа никогда не приедалась. На Пузырь всегда можно было взглянуть по-новому, найти в нем очередное волшебство. А смог бы он испытывать подобные чувства, если бы жил в центре путешествующей телестудии, за которой наблюдал весь мир?

Он начал дрейфовать обратно к воде, когда из нее вырвалась Меган. Она пробила поверхность наподобие золотой русалки, взлетая и оставляя за собой шлейф капель, которые превратились в миллион переливающихся кристаллов, следуя за ней в воздухе. Меган сделала сальто внутри облака из водяных шариков — Афродита из плоти и металла, возникшая из пены.

Мундштук выпал из ее губ, повиснув на воздушном шланге, и он услышал ее смех. Купер не думал, что она его заметила. Он был совершенно уверен: она полагала, что наконец-то осталась одна, пусть даже на несколько секунд. Она смеялась восторженно, как ребенок, и до тех пор, пока из воды с ворчанием не выбралась ее съемочная команда.

Они заставили ее вернуться и повторить.

* * *

— Она того не стоит, Купер.

— Кто? А, ты про Золотую Цыганку.

— Ты хочешь, чтобы твои постельные экзерсисы изучали девяносто миллионов жлобов?

Купер повернулся, чтобы взглянуть на Анну-Луизу. Та сидела рядом на узкой скамеечке раздевалки, завязывая шнурки. Она посмотрела на него через плечо и улыбнулась. Он знал, что у него репутация бабоукладчика, специализирующегося на знаменитостях. Когда он только пришел работать в Пузыре, то счел одним из дополнительных бонусов возможность знакомиться, тесно общаться и укладывать в постель знаменитых женщин, что он неоднократно и проделывал. Но это уже давно перестало иметь для него прежнее значение.

— Гэллоуэй не создает себе воздыхателей.

— Пока. Как не создавала Лайша Грамбулл еще год назад. Или тот парень, что работает на Эй-Би-Эс... Чин. Рэндолл Чин.

— И как не создавала Саломея Хассан, — добавил кто-то из дальнего угла раздевалки. Купер осмотрелся и увидел, что их слушает вся смена.

— Я-то думал, что вы выше этого, — сказал он. — А оказалось, что вы кучка фанатов ощущалок.

— Хочешь или не хочешь, а имена все равно услышишь, — возразила Стю.

Анна-Луиза надела через голову рубашку и встала.

— Нет смысла отрицать, что я смотрела эти записи, — сказала она. — Транс-сестрам надо как-то зарабатывать на жизнь. Она их сделает. Эротические сны уже на подходе.

— Ага, на подходе, — поддакнула Стю и добавила непристойный жест.

— Почему бы вам, идиотам, не заткнуться и не свалить отсюда? — предложил Купер.

Они постепенно так и сделали, и крохотная раздевалка на уровне одной десятой «g» вскоре опустела, не считая Купера и Анны-Луизы. Она стояла возле зеркала, втирая лосьон в кожу головы, чтобы та блестела.

— Я бы хотела перейти во вторую смену, — сказала она.

— Да ты чокнутый лунатик, ты это знаешь? — встревоженно выпалил он в ответ.

Она повернулась и пронзила его взглядом.

— Это преувеличение и расизм, — заявила она. — Не будь я такой любезной, я бы возмутилась.

— Но это правда.

— Это вторая причина, почему я не стану возмущаться.

Он встал и обнял ее сзади, теребя губами ухо.

— Эй, да ты весь мокрый, — рассмеялась она, но не попыталась его остановить, даже когда его руки приподняли рубашку и скользнули вниз под ремешок штанов. Она повернулась, и он поцеловал ее.

Купер никогда по-настоящему не понимал Анну-Луизу, хотя и жил с ней уже полгода. Она была почти такой же крупной, как и он, а он был далеко не малыш. Родилась она в Новом Дрездене на Луне. Хотя ее родным языком был немецкий, она свободно и без акцента говорила на английском. Ее лицо пробуждало такие прилагательные, как сильное, здоровое, сияющее и свежее, но никогда слова наподобие «гламурный». Короче говоря, физически она была такой же, как и остальные спасатели-женщины. Она даже брила голову, но в то время как остальные проделывали это, пытаясь вернуть былую славу и поддерживать олимпийскую внешность, она никогда не участвовала в соревнованиях по плаванию. Одно лишь это делало ее уникальной в группе и, вероятно, настолько вдохновляющей. Остальные женщины в отряде спасателей были незамысловатыми качками, всем прочим занятиям предпочитавшие два: плавание и секс, в таком вот порядке.

Против этого Купер не возражал. Это было весьма точное описание его самого. Но он медленно подбирался к тридцати годам, и эта дата с каждым днем приближалась. Такой возраст никогда не был хорошим для спортсмена. И он с удивлением обнаружил, что его больно задела ее слова о том, что она хочет поменять смену.

— Это как-то связано с Юрием Фельдманом?

— А он в той смене?

— Мы и дальше будем спать вместе?

Она отпрянула.

— Мы так и будем разговаривать? Ты для этого меня раздеваешь?

— Просто хочу знать.

— Если не захочешь переехать, все останется по-прежнему. Но не думаю, что это чертовски много значит. Я ошибалась?

— Извини.

— Может быть, проще спать одной, вот и все. — Она повернулась и похлопала его по щеке. — Черт, Кью-Эм. Это всего лишь секс. Ты в этом очень хорош, и пока ты не теряешь интерес, у нас все будет хорошо. Договорились? — Ее ладонь все еще касалась его щеки. Она пристально вгляделась ему в глаза, и ее лицо изменилось. — Это *просто* секс, да? Я имела в виду...

— Конечно, это...

— ...а если *не* просто... Но ты никогда не говорил такого, что могло бы...

— Господи, нет. Я не хочу оказаться привязан.

— Я тоже.

Казалось, она хотела что-то добавить, но лишь опять коснулась щеки Купера и оставила его в покое.

* * *

Купер был так погружен в свои мысли, что прошел мимо стола, за которым сидела Меган Гэллоуэй со своей командой.

— Купер! Вы ведь Купер?

Когда Купер повернулся, у него уже была наготове «улыбка для камеры». Хотя к этому времени его уже редко узнавали, рефлексы все еще работали. Но улыбку быстро сменило более искреннее восхищение. Он был удивлен и польщен тем, что она знает, кто он такой.

Гэллоуэй поднесла ладонь ко лбу, глядя на Купера с комичной напряженностью. Потом щелкнула пальцами и снова шлепнула себя по лбу.

— Я все пытаюсь вспомнить это имя с той минуты, когда увидела вас в воде, — сказала она. — Только не говорите... я вспомню его... это было прозвище...

Она беспомощно смолкла, затем поставила локти на стол и уперлась подбородком в руки, раздраженно глядя на Купера.

— Не могу вспомнить.

— Это...

— *Не* говорите.

Он хотел было сказать, что не раскрывал его, но вместо этого пожал плечами и промолчал.

— Я вспомню, если вы дадите мне время.

— Она сможет, — сказала другая женщина, которая потом указала на свободный стул и протянула ему руку: — Я Консуэла Лопес. Позвольте угостить вас выпивкой.

— Я... Купер.

Консуэла подалась вперед и прошептала:

— Если она не вспомнит ваше чертовое прозвище за десять минут, скажите ей, ладно? Иначе от нее не будет никакого толку, пока она не вспомнит. А вы спасатель.

Он кивнул, и ему мгновенно принесли напиток. Купер попытался скрыть изумление. Произвести впечатление на официантов в кафе на променаде было *невозможно*. Тем не менее участникам вечеринки Гэллоуэй даже не было нужды заказывать.

— Восхитительная профессия. Вы должны о ней рассказать. Я продюсер, учусь быть сутенером. — Она покачнулась, и Купер понял, что она пьяна. В ее речи это никак не проявилось. — Тот адский тип с бородой — это Маркхэм Монтгомери, режиссер и талантливый проститут. — Монтгомери взглянул на Купера и изобразил нечто вроде кивка. — А эта личность неопределенного пола зовется Коко-89 (прости-господи), звукооператор, вселенская загадка и приверженец религиозно-сексуального культа настолько таинственного, что даже сам Коко точно не знает, в чем его смысл.

Купер видел Коко в воде. У него или нее имелись мужские гениталии и женские груди, но гермафродиты в Пузыре редкостью не были.

— Ваш' здоровье, — серьезно сказала Коко, поднимая стакан. — Вашще-то ваш танц на глуб'не достоин поч'сти.

Все засмеялись, кроме Купера. Он не понял шутки. Лопес его волновала — он слышал забавные речи от стольких

богатых или многоопытных людей, что не смог бы сосчитать, — но Коко несло откровенную чушь.

Лопес приподняла над краем стола серебряную трубочку, нажала на спуск, и в сторону Коко вылетела струйка переливающегося серебристого порошка. Она разбилась на тысячи мерцающих точек. Гермафродит вдохнул эту пыль, глуповато улыбаясь.

— Шиза-пыль, — пояснила Лопес и направила трубочку на Купера. — Хотите нюхнуть?

Не дожидаясь ответа, она выстрелила вторую струйку. Порошок замерцал вокруг головы Купера. Он пахнул как один из популярных афродизиаков.

— Что это?

— Наркотик, изменяющий сознание, — театрально произнесла она, но, увидев в глазах Купера тревогу, немного смягчилась. — Приход очень короткий. Реально я дала вам такую малую дозу, что вы почти не заметите. Минут пять, не больше.

— И что он делает?

Она взглянула на него с подозрением.

— Ну, он уже должен был подействовать. Вы левша?

— Да.

— Вот и объяснение. Большая его часть подействовала не на то полушарие. А действует он на центр речи.

Монтгомери протрезвел достаточно, чтобы повернуть голову, и взглянул на Купера практически со скукой.

— Это как вдыхать гелий, — пояснил он. — Какое-то время говоришь очень смешно.

— А я и не думал, что такое возможно, — сказал Купер, и все рассмеялись.

Он поймал себя на том, что рефлекторно ухмыляется, не поняв, что такого смешного сказал, пока мысленно не повторил сказанное и не понял, что произнес нечто вроде «Можн так воз что думал не я...».

Купер стиснул зубы и сосредоточился.

— Мне, — сказал он и немного подумал. — Не. Нравится. Это.

Компания пришла в восторг. Коко забормотало всякую чушь, а Лопес похлопала его по спине.

— Немногие догадываются настолько быстро, — сказала она. — Говори предложениями в одно слово, и все будет пучком.

— Шиза-пыль бьет по способности мозга составлять предложения, — пояснил Монтгомери почти с воодушевлением. Купер знал по своему опыту, что тот говорит об одной из тех вещей, которая способна его взбудоражить и стала его сегодняшним чудом на десять минут. О том, что проделывают сегодня все, кто слывет более-менее важной персоной, и о чем на завтра же позабудут. — Сложные мысли более не...

Купер шарахнул кулаком по столу и получил ожидаемое молчание. Глаза Монтгомери остекленели, и он отвернулся, изображая скуку из чисто спортивного интереса. Купер встал.

— Вы, — произнес он и ткнул в них пальцем. — Воючки.

— Четверть Метра! — воскликнула Гэллоуэй, показывая на Купера. — «Купер Четверть Метра!» Серебряная медаль в Рио, бронзовая в Шанхае, полторы тысячи метров вольным стилем, выступал за «Юнайтед С.А.», потом за «Райанкорп». — Она гордо улыбнулась, но потом огляделась, и улыбка погасла. — Что не так?

Купер ушел. Она догнала его, когда он почти скрылся из виду за изогнутым полом променада.

— Четверть Метра, пожалуйста, не...

— Так не меня называй! — рявкнул Купер, отдергивая руку, когда она к ней прикоснулась.

Ему было наплевать на то, что он произносит. Ее протянутая рука неловко зависла, поблескивая золотыми полосками на каждом из суставов пальцев.

— Тогда мистер Купер. — Она опустила руку, а следом и взгляд, уставившись на свои обутые ноги. — Хочу извиниться за свою коллегу. Она не имела права так поступать. И была пьяна, если вы не...

— Я за... метил.

— Сейчас у вас все пройдет, — заверила она, легко коснувшись его руки, но потом вспомнила и отдернула ее, застенчиво улыбнувшись.